

Библиография

В. К. ЧУМАЧЕНКО

СЛОВО, ПРЕОДОЛЕВШЕЕ ПУСТОТУ

Третьякова Е. Ю. Юрий Кузнецов: зрелое новаторство: монография. Краснодар, 2013. 206 с.

Творчество Юрия Кузнецова становится предметом все более активного академического изучения. Об этом свидетельствуют и посвященные ему ежегодные международные научные конференции, которые попеременно проходят в ИМЛИ и Литературном институте им. М. Горького; и более чем наполовину вышедшее собрание сочинений (к 2013 году издан четвертый том из намеченных шести); и две защищенных диссертации; и, наконец, первая научная монография «Юрий Кузнецов: зрелое новаторство», вышедшая на родине поэта, в Краснодаре. Ее автор – давний поклонник и неустанный пропагандист кузнецовского наследия – профессор КГУКИ, доктор филологических наук Елена Юрьевна Третьякова.

Подобрать верный «ключик» к подобным исследованиям совсем не просто, особенно в том случае, когда между автором и рецензентом встает фигура самого поэта, еще недавно жившего среди нас. С тайным интересом, с подспудной тревогой (получилось ли?) и отчасти завистью, характер которой поясню чуть далее, брал я в руки эту монографию. Ибо в самом факте появления книги был заключен невольный упрек мне – критику, когда-то намеревавшемуся вот так же, самому, стать автором первой книги о нашем гениальном земляке, – и своего желанья не исполнившему.

«Ключик» все же удалось подобрать, оттолкнувшись от постулата о том, что бывают рецензии, которые невозможны без погружения в личные воспоминания критика.

Относятся же мои воспоминания к концу января 1975 года. Я – второкурсник Кубанского университета, второй раз в жизни совершающий путешествие в Москву. Если первая поездка была посвящена, как водится, осмотру самых известных туристических достопримечательностей столицы, то теперь главной целью было именно знакомство с молодым, но уже громко заявившим о себе поэтом Юрием Кузнецовым.

Его первый сборник стихов «Гроза», вышедший в Краснодаре в 1966 году, был подарен мне знакомым, который (тогда начинающий прозаик) неожиданно обнаружил при разборе многолетних завалов в подвале местного книжного издательства целую стопку книжечек, к тому моменту ставших раритетным изданием. Прочитанные в «Грозе» стихи талантливого юноши, уроженца станицы Ленинградской (бывш. Уманская), меня увлекли, хотя и было в них еще мало по-настоящему оригинальных образов. А весной 1974 года, уже в Москве, вышла вторая книга Ю. Кузнецова, неблагозвучно, как мне тогда показалось, названная «Во мне и рядом – даль». Но качественно новая по сравнению с дебютным сборником. Ее я приобрел тем же летом на Ставрополье во время поездки в какую-то глухомань, в крохотном книжном магазине, где больше и купить-то было нечего, кроме раздинованных школьных тетрадей.

Я решил, что на этом разбросанные по небосклону звезды наконец-то сошлись и указали, где и у кого именно я проведу зимние каникулы второго курса – в столице, в гостях у полюбившегося поэта. Конечно, та-

кое сумасбродство случается только в 18 лет!

Нахохлившаяся, заснеженная, стлкая Москва на этот раз показалась приветливой. Сразу же покорило неизменное участие людей, прерывистая цепочка которых послужила мне «навигатором» к заветному дому. Кузнецовы жили тогда в так называемой переходной квартире, ожидая вселения в новое жилище. На мой звонок из дверей высунулась необыкновенно молодая, задорная, «блоковская» (как я сразу определил для себя) голова. Узнав, кто я и зачем, Юрий Поликарпович потащил меня в комнату знакомить со своей супругой. Похоже, мне были искренне рады.

Тогда еще не была проложена «незарастающая тропа» в обиталище поэта, которой сначала были рады (вот оно, признание!), потом – долго и безуспешно боролись. А на каком-то этапе – сдались и махнули рукой. Разве что дверь в подъезде на ночь запирали.

Из неофитов я был чуть ли не первым, кто постучал в дверь к начинающему гению. Соответственно, ко мне было и особое отношение. Как-то быстро и по-кубански хлебосольно накрылся стол. Сам собою завязался и потек бесконечный разговор о современной поэзии. Изредка я бросал взоры «окрест», примечая небрежно разложенные вокруг гранки большой подборки стихов из «Нового мира», которые поэт, видимо, правил до моего прихода.

На всем окружающем быте лежал отпечаток радости от пришедшего успеха, а вся по-советски убогая комната как электричеством была наполнена мощной витальной энергией, которая до их пор еще потрескивает на кончиках моих пальцев.

Когда я вспоминаю Юрия Кузнецова, я вижу его таким, каким запомнил тем зимним московским утром, хотя наше шапочное знакомство длилось еще много лет. Он долго-долго был красив и одухотворен излившимся из него внутренним светом. Неизменно откликался на мои редкие просьбы о встрече, как-то очень спокойно и терпеливо отвечал на все вопросы.

Но тогда, впервые, он не «отвечал», а сам говорил обо всем на свете, словно с ровесником, хотя ему уже было тридцать три. Проговорили весь день, пока не засерело в окнах. К ночи гостеприимный хозяин начал раздвигать к углам мебель, сооружая дополнительное «спальное место» – для гостя. Позднее так уютно и хорошо уже никогда не было.

Этот день запомнился еще тем, что поэт подарил мне одну из машинописных копий своего знаменитого выступления на съезде Союза писателей России. Там он, представляя молодое поколение литературы, громко заявил, что поэзия должна иметь дело не с бытом, а с бытием – извлекать его не только из глубин собственного мироощущения, но и из всей окружающей жизни. Приводя в докладе примеры того, «как не должно быть», он не пожалел тогда и своих недавних литинститутских наставников, что обернулось легко предсказуемым скандалом и не лучшим образом сказалось на его дальнейшей служебной карьере. Вот об этой ранней, еще не до конца продуманной теории и

говорил со мной в тот день Юрий Кузнецов. Словно за столом, кроме нас, сидели и те оппоненты, которым он хотел высказать свое вызревающее поэтическое кредо.

Именно с характеристики, теоретического обоснования кузнецовской теории поэзии как философского отблеска бытия и начинается свою монографию о поэте профессор Е. Ю. Третьякова. За пределами книги оставлены традиционные и вполне уместные в монографическом жанре выигранные биографические моменты: босоное кубанское детство, раннее сиротство, вхождение в кубанскую литературу и стремительное бегство из нее – через армию (и, добавим, «подоспевший» Карибский кризис, «прогулку» к кубинским берегам). А потом литинститутская студенческая «пятылетка» – и сразу выход в большую литературу, в живые классики.

Был ли у автора соблазн начать «с начала», мне не ведомо. А если бы и был, то легко бы простило. Ведь поэзия, как правило, просто лепится из «биографии» своего сочинителя. Это верно. Но только не у Кузнецова, где она больше повод, чем причина рефлексии. А следовательно, прием, примененный литературоведом, оправдан, хотя и стоил ему некоторой части потенциальных читателей, обожающих как раз такое последовательное, «пошаговое» сканирование сначала творческой биографии, потом – поочередно – самих произведений, созданных художником слова.

Книга состоит из трех разделов. Первый отдан анализу «парадоксального» творческого метода поэта и природе его мифологизма, происходит подключение Ю. Кузнецова к православной и пушкинской традиции. Второй раздел посвящен кузнецовской поэтике. Об этом говорится интересно, со знанием дела. Видимо, сказывается опыт многолетнего преподавания вузовского курса риторики. Поэтому автор не только оперирует устоявшимися инструментами, но и по ходу разговора уточняет и развивает далее наши представления о природе поэтических тропов и стилистических фигур. Таких, например, как антиномия, метафора и метонимия, – благо кузнецовская лирика дает в этом плане самый благодатный материал! При этом в своих аналитических подходах к тексту Е. Ю. Третьякова остается литературоведом, а не лингвистом. Лингвист пристально изучает художественную речь, но на своих, более узких, основаниях, где нет места таким категориям, как «онтология», «эпический реализм», «христоцентризм». Третий раздел затрагивает проблемы освоения поэтического наследия Ю. Кузнецова в литературоведении и классической музыке, где также все интересно и все не просто.

На мой взгляд, сюжетообразующей главой книги является самая первая – «Зрелое новаторство», соединяющая воедино все ценное, что будет потом. Без данного теоретического зачина исследование не могло называться монографией. Написана глава специально и едва ли не последней, чтобы оправдать на протяжении семи лет до этого начавший складываться и получать воплощение архитектурный замысел. Вот почему остановимся на ней чуть подробнее, выделив квинтэссенцию авторского понимания заявленной проблемы.

Очень важным нам кажется центральный посыл автора – о том, что творчество Кузнецова явилось жестким ответом на претензию постмодернизма быть ведущим литературным направлением современной эпохи, способным разрешить ее главные запросы. Тезис о том, что Кузнецов, сам начинавший как Рембо и поэты-символисты или экспрессионисты, в 1980–1990-е годы понял ограниченность этого художественного метода и обра-

тился к православно-христианскому реализму. Елена Юрьевна, вслед за героем книги, указывает на вторичность и эстетическую пустоту, несостоятельность модернистско-постмодернистского прецедента: патологическое сползание «в мерзость запустения», ибо там, где кончается духовность, кончается и литература.

То, что Ю. Кузнецов не испугался проблемы *скрытых пустот*, не отнесся к ней с пессимизмом, литературовед объясняет плотностью его мифомышления, сначала великолепно продемонстрированного в малой лирической форме, а потом гениально воплощенного в больших эпических полотнах (поэмы «Дом», «Путь Христа», «Сошествие во ад»). Поэт собирал воедино, аккумулировал энергию мифа так, как она накапливается не в авторской, индивидуалистской (условно говоря, западной), а в народной поэтической и книжной традиции восточных славян, имеющей тысячелетние православные корни. В целом книга Е. Ю. Третьяковой отражает то новое состояние «кузнецововедения», к которому пиущие о Юрии Кузнецове начали приближаться лишь в завершающем десятилетии его творчества, на рубеже, который ознаменован публикацией его этапных сборников «Юбилейное» и «Крестный ход».

Первая монография о Ю. П. Кузнецове может читаться поглавно, что позволит составить о ней наиболее цельное впечатление. Но можно начать и с прочтения выборочных глав, ибо многие (большинство) самодостаточны в рамках заявленных подтем. Во втором случае я бы посоветовал сосредоточиться на следующих, наиболее полно репрезентирующих автора, главах: «О персональных Мифах Пушкина и Кузнецова», «О парадоксальности в творческом методе...», «К спорам о поэме “Путь Христа”», «Творческий потенциал научной интеллигенции Кубани и освоение философско-художественного наследия Ю. П. Кузнецова».

Е. Ю. Третьякова пишет о поэзии сложно. Она никогда не идет на сотрудничество с читателем, не проговаривает для него истины, которые, по ее мнению, должны изначально содержаться в подкорке образованного человека, быть понятны современникам априори. Мысля внутри единой концепции, она иногда, кажется, даже не строит «мостиков», облегчающих переход от одной темы к другой. Так сформировался ее исследовательский стиль. Отчасти же характер текстов диктуется особенностью первичной аудитории, которой она посылала свой «месседж». А это, как правило, академическая аудитория, ведь главы книги рождались из докладов на кузнецовских чтениях и выступлений на страницах так называемых ваковских журналов, где подобная стилистика научного мышления уместна.

О созвучности иным задачам и о возможностях такого подхода в разговоре с широким читателем можно дискутировать, но результат спора в данном конкретном случае уже ничего не изменит. Поэтому советую, беря новую книгу в руки, подготовиться не к «легкому чтиву», а к серьезной работе ума. Без такого позитивного настроения и вдумчивости, с наскока, пожалуй, эту книгу не осилить. Как, собственно, не осилить и зрелую поэзию Юрия Кузнецова, его родную стихию, о который он сказал:

*Ее изначальная сила
Пришла не от мира сего,
Поэта, как бездну, раскрывла
И вечною болью пронзила
Свободное слово его.*